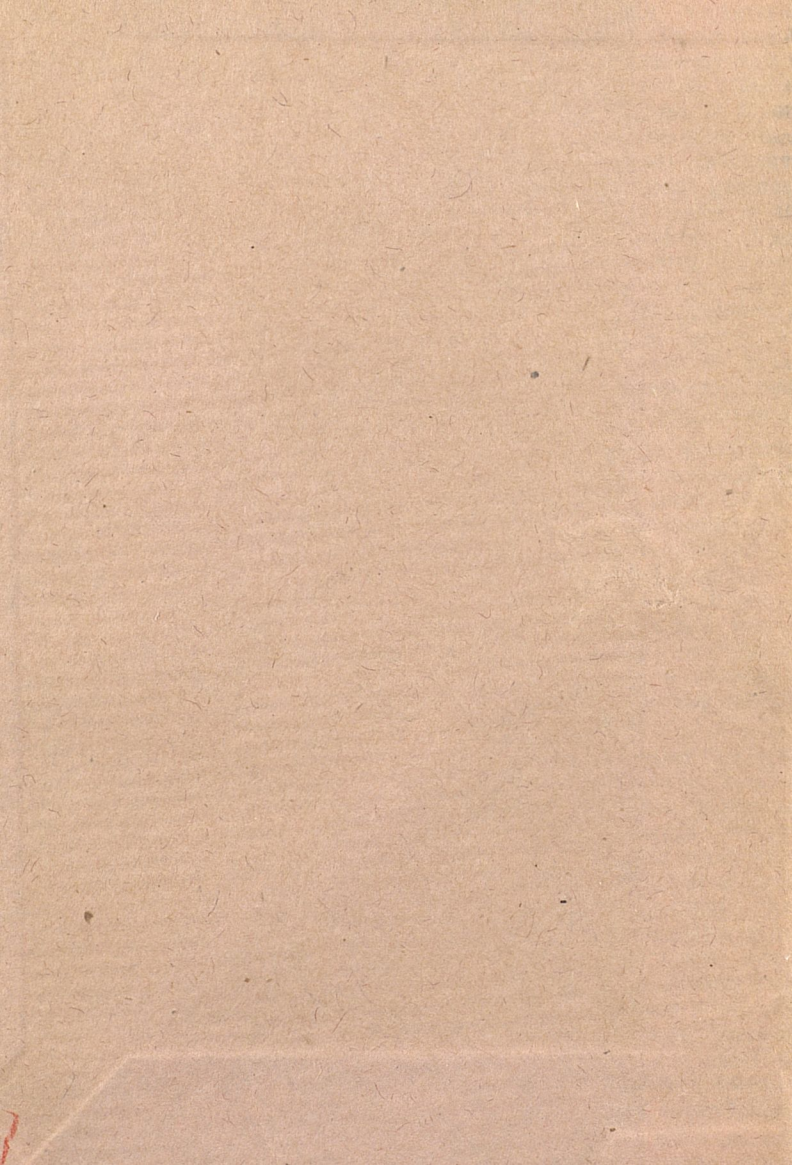
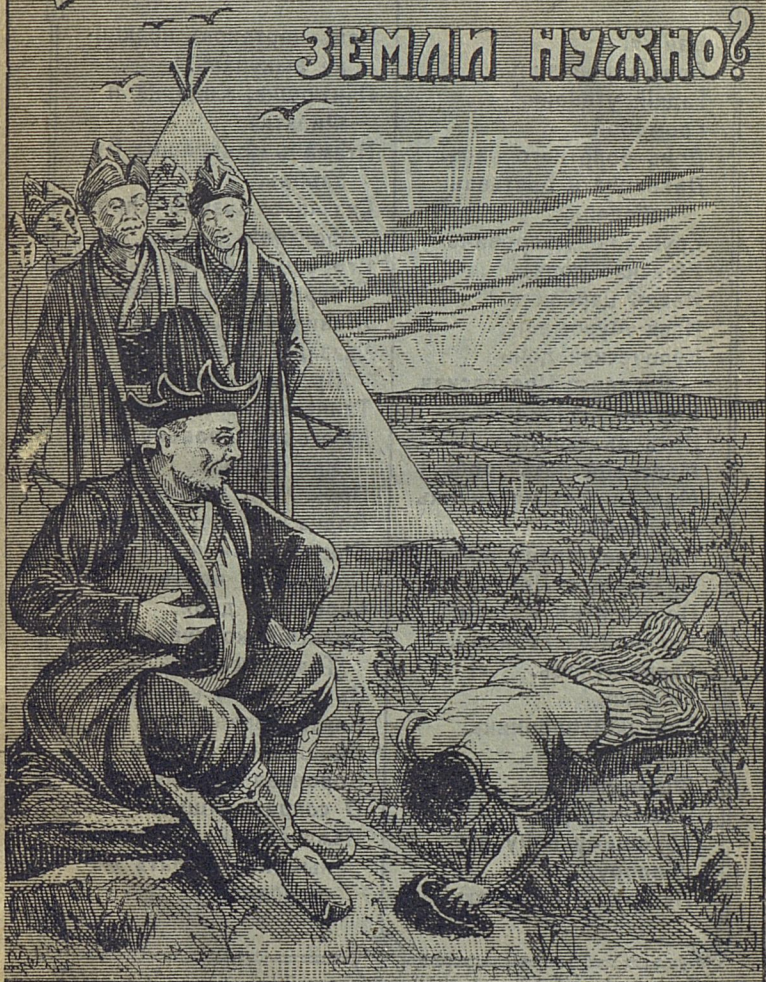

M $\frac{24}{241}$

Много ли человеку земли нужно?

Книги въ 1 листъ свѣтскаго содержанія.

Баба-яга.
Бова-королевичъ.
Гадкій утенокъ.
Громобой.
Дочь болотнаго царя.
Двѣнадцать братьевъ
лебедей.
Ерусальнъ Пазаревичъ.
Женская доля.
Иванъ царевичъ.
Илья Муромецъ.
Купеческая дочь
Василиса Прекрасная.
Король людоѣдовъ.
Коть въ сапогахъ.
Мертвецъ безъ гроба.
Мальчикъ съ мизинчикъ
О львицѣ.
Портупей-прапорщикъ.
Преданіе о Петрѣ.
По молитвѣ матери.
Соловей-разбойникъ.
Садко-купецъ.
Сонникъ.
Турецкій плѣнникъ.
Утопленница.
Фра-дьяволь.
Паша-пастухъ.
Хорошему вору все
впору.
Исторія о пастухахъ.

Какъ чертенокъ краюш-
ку выкупаль.
Пантюшка, Сидорка и
Филатка.
Атаманъ Кондрашка Бу-
лавинъ.
Сказка о Кузьмѣ Сиро-
фоновѣ.
Егорушка простакъ-
паренекъ не тумакъ.
Женихъ изъ Охотн. ряда.
Сказаніе о заступленіи
Пр. Богородицы.
Таинственный монахъ.
Много ли человѣку зе-
мли нужно.
Проклятое мѣсто.
Водка какъ духъ сатаны.
Влюбленный чортъ.
Портной и чортъ.
Сиротская доля.
Польскій колдунъ панъ
Твардовскій.
Въ цѣпяхъ у китайцевъ.
Князь Серебряный.
Волшебный замокъ.
Королева рабыня.
О солдатѣ Яшкѣ.
Измученный, истерзан-
ный нашъ братъ ма-
стеровой.

24
—
241

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

МНОГО ЛИ ЧЕЛОВѢКУ ЗЕМЛИ НУЖНО?

РАЗСКАЗЪ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.

Москва. — 1914.

U. S. DEPARTMENT OF THE INTERIOR

WORLD JOURNAL
PUBLISHED WEEKLY
NEW YORK, N. Y.

PAID BY ADDRESSEE

POSTAGE WILL BE PAID BY ADDRESSEE
NEW YORK, N. Y.
10003

2007053750

U. S. DEPARTMENT OF THE INTERIOR
BUREAU OF LAND MANAGEMENT

Много ли человеку земли нужно?

I.

Приѣхала изъ города старшая сестра къ меньшей въ деревню. Старшая за купцомъ была въ городѣ, а меньшая — за мужикомъ въ деревнѣ. Пьютъ чай сестры, разговариваютъ. Стала старшая сестра чваниться — свою жизнь въ городѣ выхвалять: какъ она въ городѣ просторно и чисто живетъ и ходитъ, какъ она дѣтей наряжаетъ, какъ она сладко ѣстъ и пьетъ и какъ на катанья, гулянья и въ театры ѣздитъ.

Обидно стало меньшей сестрѣ, и стала она купеческую жизнь унижать, а свою, крестьянскую, возвышать.

— Не промѣняю я, — говоритъ, — своего житья на твое. Даромъ, что сѣро живемъ, да страху не знаемъ. Вы и

почище живете, да либо много наторгуете, либо вовсе проторгуетесь. И половица живетъ: барышу накладъ — большой братъ. Бываетъ и то: нынче богатъ, а завтра подъ окнами находишься. А наше мужицкое дѣло вѣрнѣе: у мужика животъ тонокъ да дологъ; богаты не будемъ, да сыты будемъ.

Стала старшая сестра говорить:

— Сытость-то какая — со свиньями да съ телятами! Ни убранства ни обращенья! Какъ ни трудись твой хозяинъ, — какъ живете въ навозѣ, такъ и помрете, и дѣтямъ то же будетъ.

— А что жъ, — говоритъ меньшая, — наше дѣло такое. Зато твердо живемъ, никому не кланяемся, никого не боимся. А вы въ городѣ всѣ въ соблазнахъ живете; нынче хорошо, а завтра подвернется нечистый, глядь — и соблазнить хозяина твоего либо на карты, либо на вино, либо на кралю какую. И пойдетъ все прахомъ... Развѣ не бываетъ?

Слушалъ Пахомъ-хозяинъ на печи, что бабы балакаютъ.

— Правда это, — говорить, — истинная. Какъ нашъ братъ сызмальства ее, землю-матушку, переворачиваетъ, такъ дурь-то въ голову и не поидеть. Одно горе — земли мало! А будь земли вволю, такъ я никого — и самого чорта не боюсь!

Отпили бабы чай, побалакали еще о нарядахъ, убрали посуду и легли спать.

А чортъ за печкой сидѣлъ, все слышалъ. Обрадовался онъ, что крестьянская жена на похвальбу мужа навела: похваляется, что была бъ у него земля, его и чортъ не возьметъ.

«Ладно, — думаетъ, — поспоримъ мы съ тобой; я тебѣ земли много дамъ. Землей тебя и возьму».

II.

Жила рядомъ съ мужиками барынька небольшая. Было у ней 120 десятинъ земли. И жила прежде съ мужи-

ками смирно—не обижала. Да нанялся къ ней солдатъ отставной въ приказчики и сталъ донимать мужиковъ штрафами. Какъ ни бережется Пахомъ, а либо лошадь въ овсы забѣжить, либо корова въ садъ забредеть, либо телята въ луга уйдутъ—за все штрафъ. Расплачивается Пахомъ — и домашнихъ ругаетъ и бьетъ. И много грѣха отъ этого приказчика принялъ за лѣто Пахомъ. Ужъ и радъ былъ, что скотина на дворъ стала: хоть и жалко корму, да страху нѣтъ.

Прошелъ зимой слухъ, что продаетъ барыня землю, и что ладить купить ее дворникъ съ большой дороги. Услыхали мужики — ахнули. «Ну, — думаютъ, — достанется земля дворнику, замучаетъ штрафами хуже барыни. Намъ безъ этой земли жить нельзя: мы всё у нея въ кругу». Пришли мужики къ барынѣ миромъ, стали просить, чтобъ не продавала дворнику, а имъ отдала. Обѣщали дороже заплатить. Согласилась барыня. Стали мужики ладить ми-

ромъ всю землю купить; сбирались и разъ и два на сходки — не сошлось дѣло. Разбиваетъ ихъ нечистый, — никакъ не могутъ согласиться. И порѣшили мужики порознь покупать, сколько кто осилить. Согласилась и на это барыня. Услыхалъ Пахомъ, что купилъ у барыни 20 десятинъ сосѣдъ, и она ему половину денегъ на года разсрочила. Завидно стало Пахому. «Раскупятъ, — думаетъ, — всю землю, останусь я ни при чемъ». Сталъ съ женой совѣтоваться.

— Люди покупаютъ, надо, — говорить, — и намъ купить десятинъ десятокъ. А то жить нельзя: одолѣлъ приказчикъ штрафами.

Обдумали, какъ купить. Было у нихъ отложено сто рублей, да жеребенка продали, да пчель половину, да сына заложили въ работники, да еще у свояка занялъ, — и набралась половина денегъ.

Собралъ Пахомъ деньги, облюбовалъ землю — 15 десятинъ съ лѣсочкомъ — и пошелъ къ барынѣ торговаться. Выторговалъ 15 десятинъ, ударилъ по ру-

камъ и задатокъ далъ. Поѣхали въ городъ, купчую закрѣпили, деньги—половину отдалъ, остальные въ два года обязался выплатить.

И сталъ Пахомъ съ землей. Занялъ Пахомъ сѣмянъ, посѣялъ покупную землю; родилось хорошо. Въ одинъ годъ выплатилъ долгъ и барынѣ и свояку. И сталъ Пахомъ помѣщикомъ: свою землю пахалъ и сѣялъ, на своей сѣно косилъ, со своей земли колья рубилъ и на своей землѣ скотину кормилъ. Выѣдетъ Пахомъ на свою вѣчную землю пахать или придетъ всходы и луга посмотрѣть — не нарадуется. И трава-то, ему кажется, растеть и цвѣты-то цвѣтутъ на ней совсѣмъ иные. Бывало, проѣзжалъ по этой землѣ—земля какъ земля, а теперь совсѣмъ земля особенная стала.

III.

Живеть такъ Пахомъ—радуется. Все бы хорошо, только стали мужики у Пахома хлѣбъ и луга травить. Честью

просиль—все не унимаются: то пастухи упустятъ коровъ въ луга, то лошади изъ ночного на хлѣба зайдутъ. И сгоняль Пахомъ и прощаль—все не судился; потомъ наскучило—сталъ въ волостное жаловаться. И знаетъ, что отъ тѣсноты, а не съ умысломъ дѣлають мужики, а думаетъ: «Нельзя же и спускать,—этакъ они все вытравятъ. Надо поучить».

Поучиль такъ судомъ разъ, поучиль другой; оштрафовали одного, другого. Стали мужики-сосѣди на Пахома сердце держать; стали другой разъ и нарочно травить. Забрался какой-то ночью въ лѣсокъ, десятокъ липокъ на лыки срѣзалъ. Проѣхаль по лѣсу Пахомъ,—глядь, бѣлѣтся. Подѣхаль,—лутошки брошены лежать, и пенушки торчатъ. Хоть бы изъ куста крайніи срѣзалъ, одну оставиль, а то подрядъ, злодѣй, всѣ счистиль. Обозлился Пахомъ. «Ахъ,—думаетъ,—вызнать бы, кто это сдѣлалъ; ужъ я бы ему выместиль». Думаль, думаль — кто. «Боль-

ше некому, — думаетъ, — какъ Семкѣ». Пошелъ къ Семкѣ на дворъ искать, ничего не нашелъ, только поругались. И еще больше увѣрился Пахомъ, что Семень сдѣлалъ. Подалъ прошеніе. Вызвали на судъ. Судили, судили, — оправдали мужика: уликъ нѣтъ. Еще пуще обидѣлся Пахомъ; со старшиной и судьями разругался. «Вы, — говоритъ, — воровъ руку тянете. Кабы сами по правдѣ жили, не оправляли бы воровъ». Поссорился Пахомъ и съ судьями и съ сосѣдями. Стали ему и краснымъ пѣтухомъ грозиться. Стало Пахому въ землѣ жить просторнѣе, а въ міру тѣснѣе.

И прошелъ въ то время слухъ, что идетъ народъ на новыя мѣста. И думаетъ Пахомъ: «Самому мнѣ отъ своей земли итти незачѣмъ, а вотъ кабы изъ нашихъ кто пошли, — у насъ бы просторнѣе стало. Я бы ихъ землю на себя взялъ, себѣ въ кругъ пригналъ; житье бы лучше стало. А то — все тѣснота».

Сидитъ разъ Пахомъ дома, заходитъ мужикъ проходжій. Пустили ночевать

мужика, покормили; разговорились,— откуда, молъ, Богъ несетъ? Говорить мужикъ, что идетъ снизу, изъ-за Волги,— тамъ въ работѣ былъ. Слово за слово, — рассказываетъ мужикъ, какъ туда народъ селиться идетъ. Рассказываетъ: поселились тамъ ихніе, приписались въ общество, и нарѣзали имъ по 10 десятинъ на душу. А земля такая, говоритъ, что посѣяли ржи, такъ солома — лошади не видать, а густая: что горстей пять и—снопь. Одинъ мужикъ, говоритъ, совсѣмъ бѣдный, съ однѣми руками пришелъ, а теперь—шесть лошадей, двѣ коровы.

Разгорѣлось у Пахома сердце. Думаетъ: «Что жъ тутъ въ тѣснотѣ бѣдствовать, коли можно хорошо жить? Продамъ здѣсь и землю и дворъ; тамъ я на эти деньги выстроюсь и заведение все заведу. А здѣсь, въ этой тѣснотѣ, грѣхъ одинъ. Только самому все путемъ вызнать надо».

Собрался на лѣто, пошелъ. До Самары плылъ по Волгѣ внизъ на паро-

ходѣ, потомъ пѣшій верстъ 400 прошелъ. Дошелъ до мѣста. Все такъ точно. Живуть мужики просторно, по 10 десятинъ земли на душу нарѣзано, и принимаютъ въ общество съ охотой. А коли кто съ денежками,—покупай, кромѣ надѣльной, въ вѣчную, сколько хочешь, по 3 рубля самой первой земли; сколько хочешь, купить можно.

Разузналъ все Пахомъ, вернулся къ осени домой, сталъ все распродавать. Продалъ землю съ барышомъ, продалъ дворъ свой, продалъ скотину всю, выписался изъ общества, дождался весны и поѣхалъ съ семьей на новыя мѣста.

IV.

Приѣхалъ Пахомъ на новыя мѣста съ семействомъ, приписался въ большое село въ общество. Попоилъ стариковъ,—бумаги всѣ выправилъ. Приняли Пахома, нарѣзали ему на 5 душъ надѣльной земли 50 десятинъ въ разныхъ поляхъ, кромѣ выгона. Построил-

ся Пахомъ, скотину завелъ. Земли у него одной душевой противъ прежняго втрое стало, и земля хлѣбородная. Житье противъ того, что на старинѣ было, вдесятеро лучше. И пахотной земли и кормовъ—вволю. Скотины сколько хочешь держи.

Сначала, покуда строился да заводился, хорошо показалось Пахому, да обжился—и на этой землѣ тѣсно показалось. Посѣялъ первый годъ Пахомъ пшеницу на душевой,—хороша уродилась. Разохотился онъ пшеницу сѣять, а душевой земли мало. И какая есть—не годится. Пшеницу тамъ на ковыльной или залежной землѣ сѣютъ. Посѣютъ годъ-два—и запускаютъ, пока опять ковылемъ прорастетъ. А на такую землю охотниковъ много,—на всѣхъ и не хватаетъ. Тоже изъ-за нея споры; побогаче кто—хотятъ сами сѣять, а бѣдняки отдаютъ купцамъ за подати. Захотѣлъ Пахомъ побольше посѣять. Поѣхалъ на другой годъ къ купцу, купилъ земли на годъ. Посѣялъ

побольше, родилось хорошо; да далеко отъ села: верстъ за 15 возить надо. Видить—въ округъ купцы-мужики хуторами живутъ, богатѣютъ. «То ли дѣло,—думаетъ Пахомъ,—коли бы тоже въ вѣчность землицы купить да построить хуторъ! Все бы въ кругу было». И сталъ подумывать Пахомъ, какъ бы землю въ вѣчность купить.

Прожилъ такъ Пахомъ три года. Снималъ землю, пшеницу сѣялъ. Года вышли хорошіе, и пшеница хороша рожалась, и деньги залежныя завелись. Жить бы да жить, да скучно показалось Пахому каждый годъ въ людяхъ землю покупать, изъ-за земли воловодиться: гдѣ хорошенькая землица есть, сейчасъ налетятъ мужики, всю разберутъ; не успѣлъ укупить—и не на чемъ сѣять. А то купилъ на третій годъ съ купцомъ пополамъ выгонъ у мужиковъ, и вспахали ужъ, да судились мужики,—такъ и пропала работа. «Кабы своя земля была,—думаетъ,—никому бы не кланялся, и грѣха бы не было».

И сталъ Пахомъ разузнавать, гдѣ купить земли въ вѣчность. И попалъ на мужика. Были куплены у мужика 500 десятинъ, да разорился онъ и продаетъ задешево. Сталъ Пахомъ ладить съ нимъ. Толковалъ, толковалъ—сладился за 1.000 руб., половину денегъ обождаютъ. Совсѣмъ ужъ было поладили, да заѣзжаетъ разъ къ Пахому купецъ проѣзжій на дворъ покормить. Попили чайку, поговорили. Разсказываетъ купецъ, что ѣдетъ онъ изъ дальнихъ башкиръ. Тамъ, разсказываетъ, купилъ у башкирцевъ земли тысячь пять десятинъ. И стало всего тысячу рублей. Сталъ спрашивать Пахомъ. Разсказалъ купецъ. «Только, — говоритъ, — стариковъ ублаготворилъ. Халатовъ, ковровъ раздарилъ рублей на 100, да цыбикъ чаю, да попоилъ винцомъ, кто пьетъ,—и по 20 копеекъ за десятину взялъ». Показываетъ купчую. «Земля,—говоритъ,—по рѣчкѣ, и степь вся ковыльная». Сталъ спрашивать Пахомъ, какъ и что. «Земли, — гово-

рить купецъ,—тамъ не обойдешь и въ годъ: все башкирская. А народъ несмышленный, какъ бараны. Можно почти даромъ взять». «Ну,—думаетъ Пахомъ, — что жъ мнѣ за мои 1000 руб. 500 десятинъ купить да еще долгъ на шею забрать? А тутъ я на 1000 рублей чѣмъ завладаю!»

V.

Разспросилъ Пахомъ, какъ проѣхать, и только проводилъ купца, собрался самъ ѣхать. Оставилъ домъ на жену, самъ собрался съ работникомъ, поѣхалъ. Заѣхали въ городъ, купили чаю цыбикъ, подарковъ, вина, — все, какъ купецъ сказалъ. Ёхали-ѣхали, верстъ 500 отъѣхали. На седьмая сутки пріѣхали на башкирскую кочевку. Все такъ, какъ купецъ говорилъ. Живутъ всѣ въ степи, надъ рѣчкой, въ кибиткахъ войлочныхъ. Сами не пашутъ и хлѣба не ѣдятъ. А въ степи скотина ходитъ и лошади косяками. За кибитками жеребята привязаны, и къ нимъ два раза

въ день матокъ пригоняють,—кобылье молоко доять и изъ него кумысь дѣлають. Бабы кумысь болтають и сыръ дѣлають, а мужики только и знаютъ—кумысь и чай пьютъ, баранину ѣдятъ да на дудкахъ играютъ. Гладкіе всѣ, веселые, все лѣто празднують. Народъ совсѣмъ темный и по-русски не знаетъ, а ласковый.

Только увидали Пахома, повышли изъ кибитокъ башкирцы, обступили гостя. Нашелся переводчикъ. Сказалъ ему Пахомъ, что онъ объ землѣ пріѣхалъ. Обрадовались башкирцы, подхватили Пахома, свели его въ кибитку хорошую, посадили на ковры, подложили подъ него подушекъ пуховыхъ, сѣли кругомъ, стали угощать чаемъ, кумысомъ. Барана зарѣзали и бараниной накормили. Досталъ Пахомъ изъ тарантаса подарки, сталъ башкирцамъ раздавать. Одарилъ Пахомъ башкирцевъ подарками и чай раздѣлилъ. Обрадовались башкирцы. Лопотали-лопо-

тали промежь себя, потомъ велѣли переводчику говорить.

— Велятъ тебѣ сказать, — говоритъ переводчикъ, — что они полюбили тебя и что у насъ обычай такой — гостю всякое удовольствіе дѣлать и за подарки отдаривать. Ты насъ одарилъ; теперь скажи, что тебѣ изъ нашего полюбится, чтобъ тебя отдарить?

— Полюбилась мнѣ, — говоритъ Пахомъ, — больше всего у васъ земля. У насъ, — говоритъ, — въ землѣ тѣснота, да и земля выпаханная, а у васъ земли много и земля хороша. Я такой и не видывалъ.

Передалъ переводчикъ. Поговорили, поговорили башкирцы. Не понимаетъ Пахомъ, что они говорятъ, а видитъ, что веселы, кричатъ что-то, смѣются. Затихли потомъ, смотрятъ на Пахома, а переводчикъ говоритъ:

— Велятъ, — говоритъ, — они тебѣ сказать, что за твое добро рады тебѣ, сколько хочешь, земли отдать. Только рукой покажи какую — твоя будетъ.

Поговорили они еще и что-то спорить стали. И спросилъ Пахомъ, о чемъ спорять. И сказалъ переводчикъ:

— Говорять одни, что надо о землѣ старшину спросить, а безъ него нельзя. А другіе говорятъ — и безъ него можно.

VI.

Спорять башкирцы, — вдругъ идетъ человекъ въ шапкѣ лисьей. Замолчали всѣ и встали. И говоритъ переводчикъ:

— Это старшина самый.

Сейчасъ досталъ Пахомъ лучшій халатъ и поднесъ старшинѣ и еще чаю 5 фунтовъ. Принялъ старшина и сѣлъ на первое мѣсто. И сейчасъ стали говорить ему что-то башкирцы. Слушалъ-слушалъ старшина, кивнулъ головой, чтобы они замолчали, и сталъ говорить Пахому по-русски:

— Что-жъ,—говорить,—можно. Бери, гдѣ полюбится: земли много.

«Какъ же я возьму, сколько хочу?» — думаетъ Пахомъ. — Надо же, какъ ни

есть, закрѣпить. А то скажутъ — твоя, а потомъ отнимутъ».

— Благодаримъ васъ, — говоритъ, — на добромъ словѣ. Земли вѣдь у васъ много, а мнѣ немножко надо. Только бы мнѣ знать, какая моя будетъ. Ужъ какъ-нибудь все-таки отмѣрить и закрѣпить за мной надо. А то въ смерти-животѣ Богъ воленъ. Вы, добрые люди, даете, а придется — дѣти ваши отнимутъ.

— Правда твоя, — говоритъ старшина: — закрѣпить можно.

Сталь Пахомъ говорить:

— Я вотъ слышалъ, у васъ купецъ былъ. Вы ему тоже землицы подарили и купчую сдѣлали; такъ и мнѣ бы тоже.

Все понялъ старшина.

— Это все можно, — говоритъ: — у насъ писарь есть, и въ городъ поѣдемъ и всѣ печати приложимъ.

— А цѣна какая будетъ? — говоритъ Пахомъ.

— Цѣна у насъ одна: 1000 рублей за день.

Не понялъ Пахомъ.

— Какая же это мѣра—день? Сколько въ ней десятинь будетъ?

— Мы этого,—говорить,—не умѣемъ считать. А мы за день продаемъ: сколько обойдешь въ день, то и твое, а цѣна дню 1000 рублей.

Удивился Пахомъ.

— Да вѣдь это,—говорить,—въ день обойти—земли много будетъ.

Засмѣялся старшина.

— Вся твоя, — говоритъ. — Только одинъ уговоръ: если назадъ не придешь въ день къ тому мѣсту, съ какого возьмешься,—пропали твои деньги.

— А какъ же,—говорить Пахомъ,—отмѣтить, гдѣ я пройду?

— А мы станемъ на мѣсто, гдѣ ты облюбуетъ; мы стоять будемъ, а ты иди, дѣлай кругъ; а съ собой скребку возьми и, гдѣ надобно, замѣчай, — на углахъ ямки рой, дернички клади; потомъ съ ямки на ямку плугомъ проѣдемъ. Какой хочешь кругъ забирай, только до захода солнца приходи къ

тому мѣсту, съ какого взялся. Что обойдешь, все твое.

Обрадовался Пахомъ. Порѣшили на-ранѣ выѣзжать. Потолковали, попили еще кумысу, баранины поѣли, еще чаю напильсь; стало дѣло къ ночи. Уложили Пахома спать на пуховикѣ, и разошлись башкиры. Обѣщались завтра на зорькѣ собраться, до солнца на мѣсто выѣхать.

VII.

Легъ Пахомъ на пуховики, и не спится ему — все про землю думаетъ. «Охвачу, — думаетъ, — палестину большую. Версть 50 обойду въ день-то. День-то нынче, что годъ; въ 50 верстахъ будетъ земли-то что! Какую похуже — продамъ или мужиковъ пуцу, а любенькую отберу, самъ на ней сяду. Плуга два быковъ заведу, человѣка два работниковъ принайму, десятинокъ полсотни пахать буду, а на остальной скотину нагуливать стану».

Не заснулъ всю ночь Пахомъ. Предъ зарей только забылся. Только забылся — и видитъ онъ сонъ. Видитъ онъ, что лежитъ, будто, онъ въ этой самой кибиткѣ и слышитъ — снаружи гогочеть кто-то. И, будто, захотѣлось ему посмотрѣть, кто такой смѣется, и всталъ онъ, вышелъ изъ кибитки и видитъ — сидитъ тотъ самый старшина башкирскій передъ кибиткой, за животъ ухватился обѣими руками, закатывается, гогочеть на что-то. Подошелъ онъ и спросилъ: «Чему смѣешься?» И видитъ онъ, будто это не старшина башкирскій, а купецъ намеднишній, что къ нимъ заѣзжалъ, объ землѣ рассказывалъ. И только спросилъ у купца: «Ты давно ли тутъ?» — а это уже и не купецъ, а тотъ самый мужикъ, что на старинѣ съ низу заходилъ. И видитъ Пахомъ, что, будто, и не мужикъ это, а самъ дьяволъ съ рогами и съ копытами сидитъ, хохочеть, а передъ нимъ лежитъ человѣкъ босикомъ, въ рубахѣ и порткахъ. И, буд-

то, поглядѣлъ Пахомъ пристальнѣй: что за человѣкъ такой? И видитъ, что человѣкъ мертвый и что это — онъ самъ. Ужаснулся Пахомъ и проснулся. Проснулся, «чего не приснится!» думаетъ. Оглядѣлся, видитъ въ открытую дверь — ужъ бѣло становится, свѣтать начинается. «Надо, — думаетъ, — будить народъ: пора ѣхать». Поднялся Пахомъ, разбудилъ работника въ тарантасѣ, велѣлъ запрягать и пошелъ башкирцевъ будить.

— Пора, — говоритъ, — на степь ѣхать, отмѣрять.

Повстали башкирцы, собрались всѣ, и старшина пришелъ. Зачали башкирцы опять кумысъ пить; хотѣли Пахома угостить чаемъ, да не сталъ онъ дожидаться.

— Коли ѣхать, такъ ѣхать, — говоритъ: — пора.

VIII.

Собрались башкирцы, сѣли — кто верхами, кто въ тарантасы, поѣхали. А

Пахомъ съ работникомъ въ своемъ тарантасикѣ поѣхали и съ собой скребку взяли. Приѣхали въ степь, заря занимается. Въѣхали на бугорокъ, по-башкирски — на шиханъ. Вылѣзли изъ тарантасовъ, послѣзали съ лошадей, сошлись въ кучку. Подошелъ старшина къ Пахому, показалъ рукой.

— Вотъ,—говорить,—вся наша, что глазомъ окинешь. Выбирай любую.

Разгорѣлись глаза у Пахома: земля вся ковыльная, ровная какъ ладонь, черная какъ макъ, а гдѣ лощина—такъ разнотравье, трава по груди.

Снялъ старшина шапку лисью, поставилъ на землю.

— Вотъ,—говорить,—мѣтка будетъ. Отсюда поди, сюда приходи. Что обойдешь—все твое будетъ.

Вынулъ Пахомъ деньги, положилъ на шапку, снялъ кафтанъ, — въ одной поддевкѣ остался,—перепоясался потуже подъ брюхо кушакомъ, подтянулся, сумочку съ хлѣбомъ за пазуху положилъ, баклажку съ водой къ кушаку

привязалъ, подтянулъ голенища, взялъ скребку у работника, — собрался итти. Думалъ, думалъ, въ какую сторону взять, — вездѣ хорошо. Думаетъ: «Все одно, пойду на восходъ солнца». Сталъ лицомъ къ солнцу, размялся, ждетъ, чтобы показалось оно изъ-за края. Думаетъ: «Ничего времени пропускать не стану. Холодкомъ и итти легче». Только брызнуло изъ-за края солнце, вскинулъ Пахомъ скребку на плечо и пошелъ въ степь.

Пошелъ Пахомъ не тихо, не скоро. Отошелъ съ версту, остановился, вырылъ ямку и дернички другъ на дружку наложилъ, чтобъ примѣтнѣй было. Пошелъ дальше. Сталъ разминаться, сталъ и шагу прибавлять. Отошелъ еще, вырылъ еще другую ямку.

Оглянулся Пахомъ. На солнцѣ хорошо видно шиханъ, и народъ стоитъ, и у тарантасовъ на колесахъ шины блестятъ. Угадываетъ Пахомъ, что версть пять прошелъ. Согрѣваться сталъ, снялъ поддевку, вскинулъ на плечо, пошелъ

дальше. Тепло стало. Взглянулъ на солнышко—ужъ время объ завтракъ.

«Одна упряжка прошла, — думаетъ Пахомъ.—А ихъ четыре во дню,—рано еще заворачивать. Дай только разуюсь». Присѣлъ, разулся, сапоги за поясъ, — пошелъ дальше. Легко итти стало. Думаетъ: «Дай пройду еще верстъ пятокъ, тогда влѣво загибать стану. Мѣсто-то хорошо очень, — кидать жалко. Что дальше, то лучше». Пошелъ еще напрямикъ. Оглянулся—шиханъ ужъ чуть видно, и народъ, какъ мураши, на немъ чернѣется, и чуть блеститъ что-то.

«Ну, думаетъ Пахомъ, — въ эту сторону довольно забралъ; надо загибать. Да и разопрѣлъ, —пить хочется». Остановился, вырылъ ямку побольше, положилъ дернички отвязалъ баклажку, напился и загнулъ круто влѣво. Шелъ онъ, шелъ, трава пришла высокая, и жарко стало.

Сталъ Пахомъ уставать; поглядѣлъ онъ на солнышко, видитъ — самый обѣдъ. «Ну,— думаетъ,— отдохнуть на-

до». Остановился Пахомъ, присѣлъ. Поѣлъ хлѣбца съ водою, а ложиться не сталъ—думаетъ: «Ляжешь, да и заснешь». Посидѣлъ немного, пошелъ дальше. Сначала легко пошелъ: отъ ѣды силы прибавилось. Да ужъ жарко очень стало, да и сонъ клонить сталъ; однако все идетъ, думаетъ: «Часъ терпѣть, а вѣкъ жить».

Прошелъ еще и по этой сторонѣ много, хотѣлъ ужъ погибать влѣво, да глядь—лощинка подошла сырая: жаль бросать. Думаетъ: «Ленъ тутъ хорошъ уродится». Опять пошелъ прямо. Захватилъ лощинку, выкопалъ ямку за лощиной, загнулъ второй уголъ. Оглянулся Пахомъ на шиханъ: отъ тепла затуманилось, качается что-то въ воздухѣ, и сквозь мару чуть виднѣются люди на шиханѣ. «Ну,—думаетъ Пахомъ,—длины стороны взялъ, надо эту покорооче взять». Пошелъ третью сторону, сталъ шагу прибавлять. Посмотрѣлъ на солнце—ужъ оно къ полднику подходитъ, а по третьей сторо-

нѣ всего версты двѣ прошелъ, и до мѣста все тѣ же версты 15. «Нѣтъ, — думаетъ, — хоть кривая дача будетъ, а надо прямокомъ поспѣвать. Не забрать бы лишняго. А земли и такъ уже много». Вырылъ Пахомъ поскорѣе ямку и повернулъ прямо къ шихану,

IX.

Идетъ Пахомъ прямо на шиханъ, и тяжело ужъ ему стало. Разопрѣлъ и ноги босикомъ изрѣзалъ и отбилъ, да и подкашиваться стали. Отдохнуть хочется, а нельзя: не поспѣешь дойти до заката. Солнце не ждетъ, — все спускается да спускается. «Ахъ, — думаетъ, — не ошибся ли, не много ли забралъ? Что какъ не поспѣешь?» Взглянетъ впередъ на шиханъ, взглянетъ на солнце: до мѣста далеко, а солнце уже недалеко отъ края.

Идетъ такъ Пахомъ; трудно ему, а все прибавляетъ да прибавляетъ шагу. Шелъ, шелъ, — все еще далеко; побѣ-

жалъ рысю. Бросилъ поддевку, сапоги, баклажку, шапку бросилъ, только скребку держитъ, ею подпирается. «Ахъ, — думаетъ, — позарился я, — все дѣло погубилъ: не добѣгу до заката...» И еще хуже ему отъ страха духъ захватываетъ. Бѣжитъ Пахомъ, рубаха и портки отъ пота къ тѣлу липнуть, во рту пересохло; въ груди какъ мѣхи кузнечные раздуваются, а въ сердце молоткомъ бьетъ, и ноги какъ не свои — подламываются. Жутко стало Пахому, думаетъ: «Какъ бы не помереть съ натуги».

Помереть боится, а остановиться не можетъ. «Сколько, — думаетъ, — пробѣжалъ, а теперь остановиться — дуракомъ назовутъ». Бѣжалъ-бѣжалъ, подбѣгаетъ уже близко и слышитъ: визжать, гайкаютъ на него башкирцы, и отъ крика ихняго у него еще пуще сердце разгорается. Бѣжитъ Пахомъ изъ послѣднихъ силъ, а солнце уже къ краю подходитъ, въ туманъ зашло, — большое, красное, кровавое стало. Вотъ-вотъ за-

катываться станеть. Солнце близко, да и до мѣста ужъ вовсе недалеко. Видить ужъ Пахомъ и народъ на шиханѣ,—на него руками махають, его подгоняють. Видить шапку лисью на землѣ, и деньги на ней видить, и старшину какъ онъ на землѣ сидить, руками за пузо держится. И вспомнился Пахому сонъ. «Земли,—думаетъ,—много, да приведетъ ли Богъ на ней жить? Охъ, погубилъ я себя! Не добѣгу».

Взглянулъ Пахомъ на солнце, а оно до земли дошло, ужъ краешкомъ заходить стало и дугой въ краю вырѣзалось. Наддалъ изъ послѣднихъ силъ Пахомъ, навалился напередъ тѣломъ, насилу ноги поспѣвають подставляться, чтобъ не упасть. Подбѣжалъ Пахомъ къ шихану,—вдругъ темно стало. Оглянулся,—ужъ зашло солнце. Ахнулъ Пахомъ. «Пропали, — думаетъ, — мои труды». Хотѣлъ ужъ остановиться, да слышитъ,—гайкають все башкирцы, и вспомнилъ онъ, что снизу-то ему кажетъ, что зашло, а съ шихана—не за

шло еще солнце. Надулся Пахомъ, взбѣжалъ на шиханъ. На шиханѣ еще свѣтло. Взбѣжалъ Пахомъ, видитъ—шапка. Передъ шапкой сидитъ старшина, гогочеть, руками за пузо держится. Вспомнилъ Пахомъ сонъ, ахнулъ, подкосились ноги, и упалъ онъ напередъ, руками до шапки досталъ.

— Ай, молодецъ! — закричалъ старшина.—Много земли завладѣлъ!

Побѣжалъ работникъ Пахомовъ, хотѣлъ поднять его, а у него изо-рта кровь течетъ, и онъ мертвый лежитъ.

Поднялъ работникъ скребку, выкопалъ Пахому могилу, ровно—насколько отъ ногъ до головы захватилъ — три аршина, и закопалъ его.

К О Н Е Ц Ъ .

Книги въ 1 листъ свѣтскаго содержанія.

Скажи, за что ты, товарищъ, попалъ въ рудники.

Дьявольское наваждене.

Донь-царевичъ.

Славн. богатырь Антипка.

Бѣдный Ваня.

Разсказы о томъ, какъ одинъ оружейникъ заставилъ чорта на станкѣ работать.

Бапакиревъ.

Вѣрный работникъ.

Гробовщикъ.

Добрыня Никитичъ.

Демидовы.

Елочка-крошечка.

Вѣрный Иванъ.

Золотая птица.

Иванъ богатырь.

Исторія одной матери.

Конекъ-Горбунокъ.

Король снѣговъ.

Могилы Маріи.

Марко-Богатый.

Оракуль.

О мертвой царевнѣ.

Похожден. пошехонцевъ.

Письмовникъ.

Рыбакъ и его жена.

Скатерть-самобранная.

Страшн. змѣй Горынычъ.

Сундукъ-самолетъ.

Три пояса.

Франциль Венеціанъ.

Юрій Милославскій.

Атаманъ Львиное Сердце.

Босфорная змѣя.

Приключ. стрѣльца, или три диковины купца.

Нужда пляшетъ, нужда скачетъ.

Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.

Чортово гнѣздо.

Ванька-ротозѣй.

Фикъ понамарь.

Руководство къ выбору женъ.

Сказка о царевнѣ.

Таинственный черный рыцарь.

Бойся Бога.

Рука Всевышняго отечество спасла.

Марѳа.

Иѣмъ люди живы.

Три старца.

Изъ временъ чумачества.

Похищеніе Клары.

Графъ Суворовъ.

Вѣдьма и черный воронъ.

Старушка.

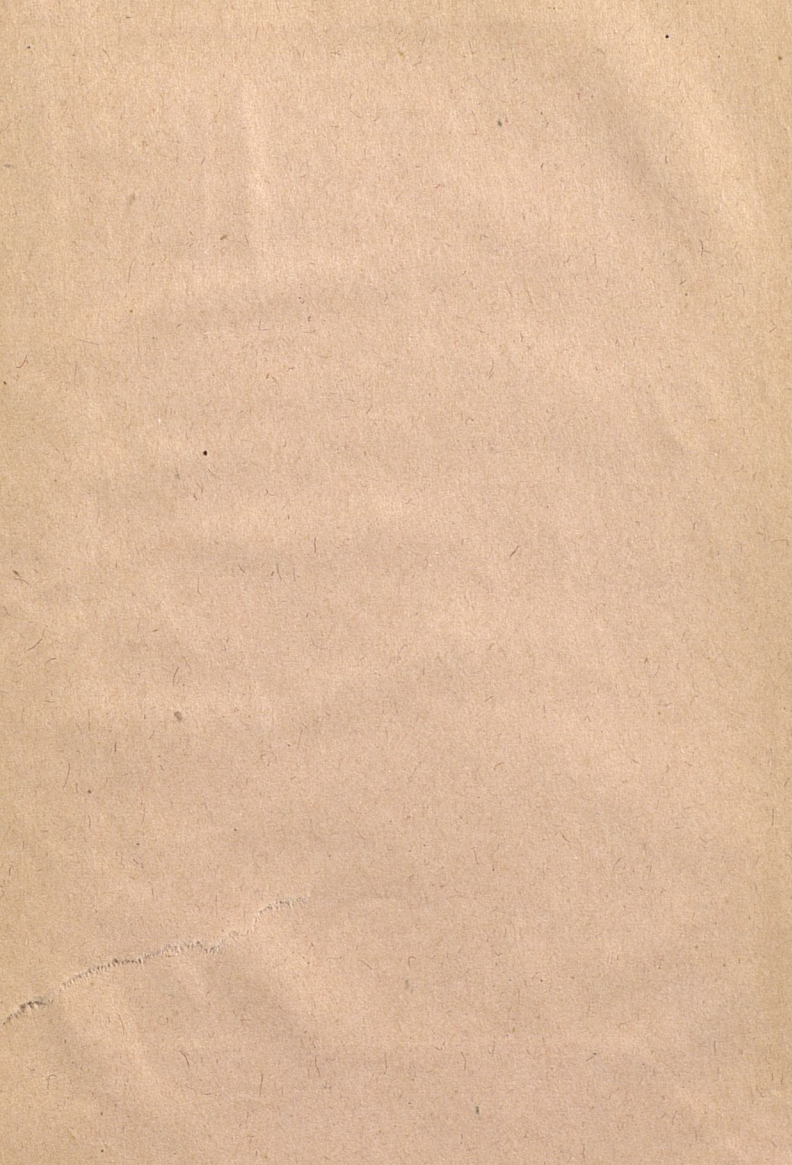
ПОЛЕЗНЫЯ КНИГИ

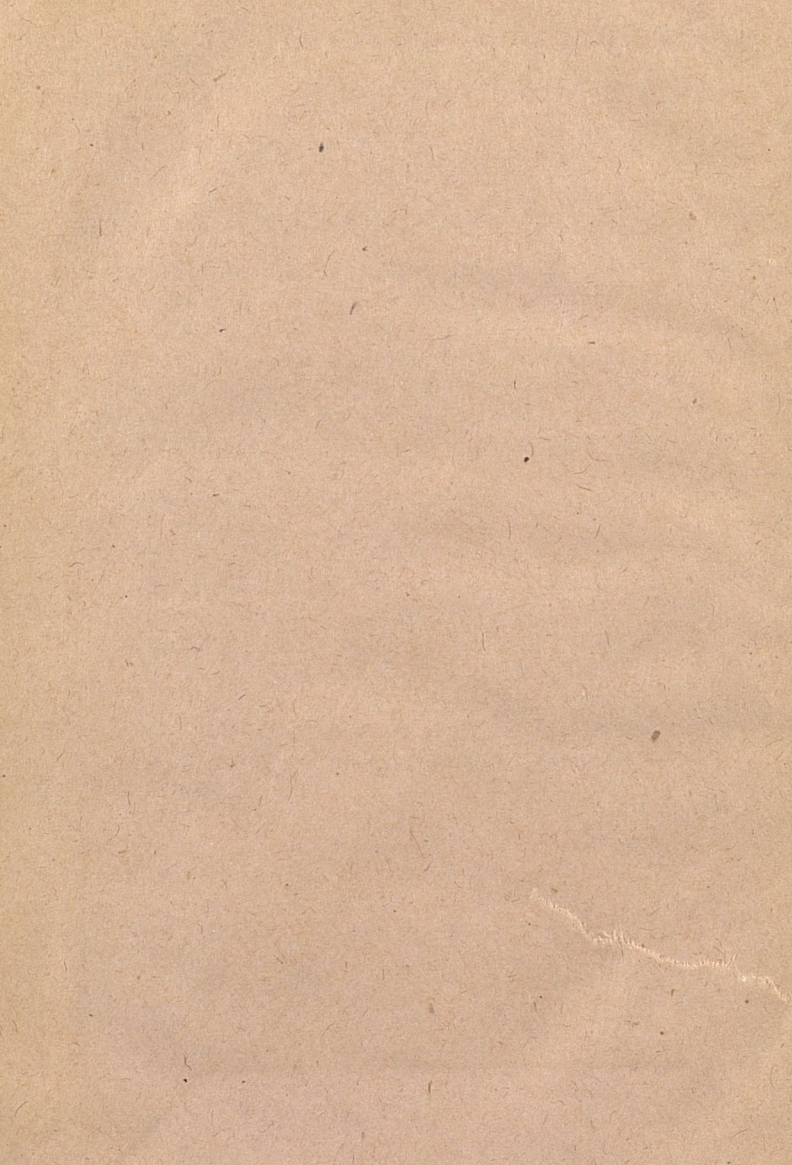
для ремесленниковъ и кустарей:

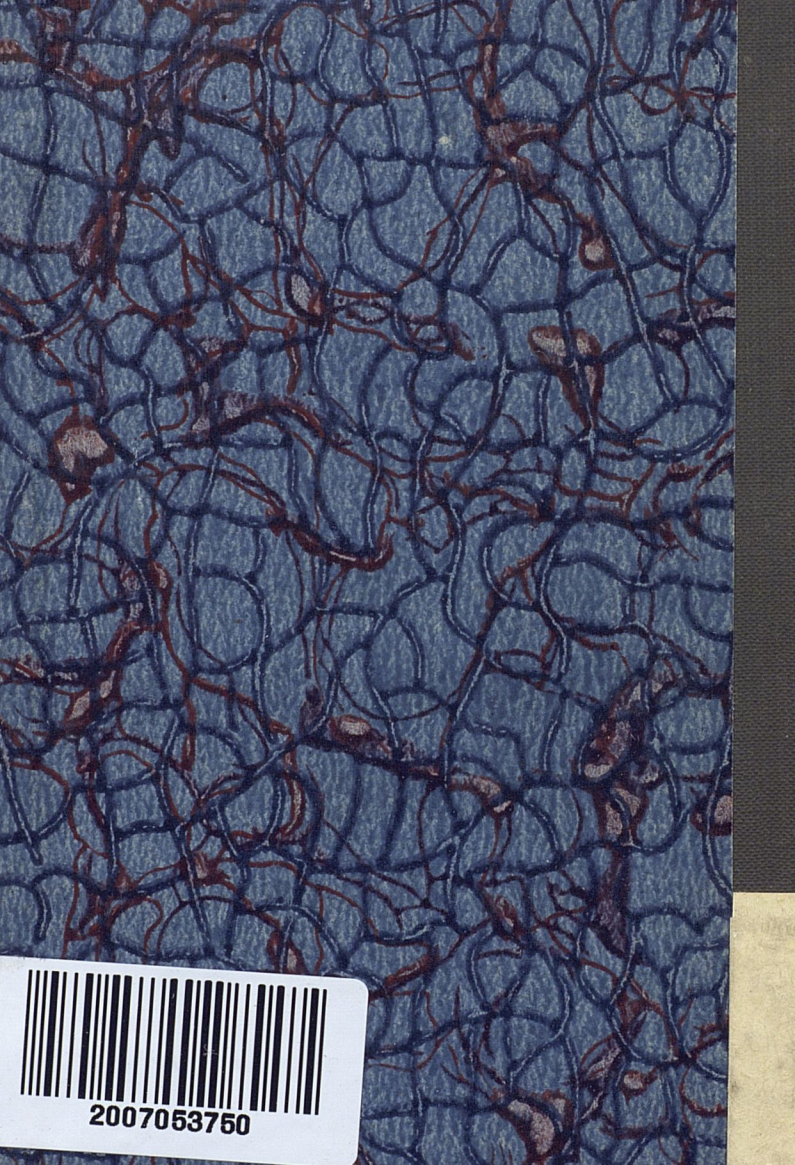
1. БЛАГОНРАВОВЪ, М. Ѳ. Руководство по сапожно-башмачному ремеслу. Цѣна 50 к.
2. ЛЕВИНСКІЙ, И. В.. Руководство по ткачеству. Цѣна 50 коп.
3. Его же. Улучшенный ручной ткацкій станокъ. Цѣна 30 коп.
4. ИВАНОВЪ, Н. Столярное ремесло. Цѣна 20 коп.
5. Его же. Слесарно-кузнечное ремесло. Цѣна 40 коп.
6. ШУВАЛОВЪ, Ѳ. Руководство по переплетному мастерству. Цѣна 15 коп.
7. ПОВАРНИНЪ, Г., и ПАРАМОНОВЪ, Г. Выдѣлка кожъ-мостовья. Цѣна 30 коп.
8. МИНАЕВЪ, В. И., и ОРЛОВЪ, Н. Н., инжен.-технологи. Крашеніе льняныхъ, пеньковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ пряжъ въ прочные цвѣта. Руководство для кустарей съ подробн. рецептами краш. и образц. крашеной пряжи. Цѣна 50 коп.
9. КИСЕЛЕВЪ, В. С. Краски, масла и лаки. Краткія свѣдѣнія объ ихъ приготовленіи, свойствахъ, изслѣдованіи и примѣненіи въ малярномъ дѣлѣ. Цѣна 50 коп.
10. ПЕТРОВЪ, Е. П., и СУВОРОВЪ, П. А. Руководство по плетенію изъ ивовыхъ прутьевъ и камыша. Корзины, плетеная мебель и мелкія издѣлія изъ прута и другихъ матеріаловъ. Цѣна 50 коп.

ЖЕЛАЮЩІЕ КУПИТЬ КНИГУ

могутъ обращаться письмомъ по адресу: Москва, Тверская, 48, книжному магазину Т-ва И. Д. Сытина, съ обозначеніемъ названія книги и съ указаніемъ своего почтового адреса. Книги посылаются наложеннымъ платежомъ, т.-е. стоимость книги и ея пересылки взыскивается въ мѣстномъ почтовомъ отдѣленіи.

2007053750